

ниях в различных сферах жизни. Поэтому объяснение феномена небывалого расцвета лесостепаной Скифии в архаическое время не может решаться без учета самого цивилизованного в ту эпоху народа, несмотря на то что он стоял еще только на пороге своих грандиозных открытий и свершений. Подводя итог краткому рассмотрению отдельных аспектов этой малоразработанной проблемы, нужно еще раз подчеркнуть, что она требует дальнейшего объективного исследования с привлечением большего количества источников и их сравнительного анализа с синхронными греческими памятниками.

А.С. Русыева

THE PROBLEM OF THE HELLENIC PENETRATION IN THE AREA
OF THE UKRAINIAN FOREST-STEPPE IN ARCHAIC TIMES

A.S. Rusyayeva

Recently published ancient materials from the excavations of archaic monuments in the Ukrainian forest-steppe, compared with several written sources and some data from the earliest *apoikiai* of Borysthenes and Olbia, gave the author an opportunity to approach the problem of the Hellenes' various contacts with the native population from the 1st quarter of the 7th c. BC on.

The article discusses the main reasons that caused penetration of the Hellenes in this part of the oikumene, rather remote from the Pontus. It demonstrates the possibility of discovering direct traces of their staying in the territory and shows their influence on many spheres of life of the native agricultural population and unprecedented rise of their economical activities, as well as the facts of adopting some elements of Greek culture and way of life by the forest-steppe population.

These problems await historians' close attention.

Эллинизм: политическая практика и культурная традиция

© 1999 г.

ОЧЕРК ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
КРЫМСКОЙ СКИФИИ ВО II в. до н.э. – III в. н.э.

В последнее десятилетие наблюдается повышенный интерес к археологии Крымской Скифии и роли позднескифского государства в истории Северного Причерноморья¹. Наиболее острой является проблема образования Скифского царства в Крыму, поднятая в трудах М.И. Артамонова, Б.Н. Гракова, Э.И. Соломоник, П.Н. Шульца, Т.Н. Высотской, Д.С. Раевского, А.Н. Щеглова². Среди исследователей нет единства

¹ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 228–263; Высотская Т.Н. Поздние скифы в Крыму. История и культура: Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1989; Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 125–145; она же. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д 1–7. 1991; Колтухов С.Г. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 206–222; Пуздровский О.С. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н.е. – перш. пол. III ст. н.е. // Археологія. 1992. № 2. С. 125–135; Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 217–237; Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995. С. 50–76; Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988. С. 29–40.

² Артамонов М.И. Скифское царство в Крыму // ВЛГУ, 1948. 8. С. 56–78; Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. 36. С. 9; он же. Скифы. М., 1971. С. 41; Соломоник Э.И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья // АИБ. Т. 1. С. 103–110; Вестник древней истории, № 4

в вопросе о переносе в Крым основных центров скифов и дате этого события, неясными остаются взаимоотношения скифского населения и Херсонеса в Западном Крыму в IV в. до н.э., не раскрыт характер оседания кочевников и многое другое. Э.И. Соломоник полагает, что превращение Крыма в основную базу скифов было обусловлено причинами внутреннего развития государства, а также стремлением приблизиться к важнейшим торговым центрам и угрозой сарматских набегов. Отношения с Херсонесом в это время, по ее мнению, были враждебными, что было вызвано стремлением скифов укрепиться на западном участке крымского побережья³. И.В. Яценко считает, что в IV в. до н.э. уже существовали договорные отношения между скифами и Херсонесом, согласно которым последний шел на уступки, снабжая их товарами и принимал участие в строительстве Неаполя⁴. Т.Н. Высотская предполагает, что Херсонес осваивал хору постепенно, начиная с середины до конца IV в. до н.э. В конце IV в. до н.э., по ее мнению, столица царства была перенесена из Приднпровья в центр Крымского полуострова – возник Неаполь Скифский. Это было вызвано стремлением приблизиться к греческим городам, завоевать выходы к морю и вести самостоятельную торговлю хлебом. Другая веская причина заключалась в начавшемся в IV в. до н.э. поступательном движении на запад сарматов⁵. Взгляды Т.Н. Высотской и Э.И. Соломоник являются в определенной мере развитием позиции П.Н. Шульца, который также видел в возникновении позднескифских поселений в Крыму следствие переселения переходивших на оседлость скифов, теснимых сарматскими племенами⁶. П.Н. Шульц считал, что процесс оседания кочевников определялся внутренними причинами развития скифского общества, но стимулировался соседством с греческими городами и продажей им хлеба⁷. Им же разработаны основные этапы позднескифской культуры на Днепре и в Крыму, разделенной кочевым миром. Выделяя общие черты в обеих зонах скифской оседлости, П.Н. Шульц указывал и на специфические элементы развития каждой из них, обусловленные различными этнокультурными влияниями и географическим положением⁸. Выдвинутая им в конце 30-х годов гипотеза об одновременном освоении Херсонесом и скифами Северо-Западного Крыма⁹ не получила подтверждения в современных исследованиях¹⁰.

Характер и степень взаимодействия различных этнических групп (скифов, тавров, греков, фракийцев, сарматов) также рассмотрены П.Н. Шульцем¹¹. Эти положения впоследствии были развиты Т.Н. Высотской, которая считает скифов основным населением государства во все времена его существования¹². При этом она допускает возможность значительного притока сарматов в Юго-Западный Крым начиная с рубежа I–II вв. н.э.¹³ По-иному рассматривает соотношение скифских, греческих, фра-

128; Шульц П.Н. Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // ИАДК. С. 62–93; Раевский Д.С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – II в. н.э.) // ВДИ. 1973. № 2. С. 110–120; Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 5–11, 187–205; она же. Поздние скифы в Крыму ... С. 20 сл.; Щеглов. Позднескифское государство... С. 29–40.

³ Соломоник. О скифском государстве... С. 112, 115.

⁴ Яценко И.В. Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена // Новое в археологии. М., 1972. С. 69.

⁵ Высотская. Неаполь... С. 7 сл.

⁶ Шульц П.Н. Тавро-Скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. Симферополь, 1946. № 2. С. 98.

⁷ Она же. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // ПСА. С. 127 сл.

⁸ Там же. С. 132–142.

⁹ Шульц П.Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. 1937. № 2. С. 252–254; она же. Евпаторийский район 1933–1934 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М., 1941. С. 265–267.

¹⁰ Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 118–130.

¹¹ Шульц. Позднескифская культура... С. 127–143.

¹² Высотская. Поздние скифы в Крыму... С. 21.

¹³ Она же. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 98–100; она же. Неаполь... С. 189–205; она же. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983. С. 5–28; она же. Этнический состав населения Крымской Скифии // МЭИК. С. 40–67.

кийских и сарматских элементов Д.С. Раевский. По его мнению, позднескифский этап охарактеризовался значительной эллинизацией скифской культуры, а также наличием в среде городского населения Неаполя постоянного и значительного контингента греков¹⁴. В последнее время этот тезис получил поддержку Ю.П. Зайцева¹⁵. Основными же компонентами позднескифской культуры Д.С. Раевский считает скифов и сарматов. Последние, исходя из материалов Неаполя, проникали в столицу поздних скифов тремя волнами¹⁶. Изучение погребального обряда и инвентаря могильников Юго-Западного Крыма позволило исследователям определить два основных компонента в составе населения: скифский (местный) и сарматский (пришлый), причем соотношение этих групп на разных памятниках и в разное время было различным. Особенно важным оказалось выделение новой сарматской волны, относящейся к концу II – началу III в. н.э.¹⁷ Эти положения вызвали ряд возражений¹⁸, однако получили и поддержку¹⁹.

Анализируя погребальный обряд могильника Крымской Скифии, Т.Н. Высотская признала, что этнокультурный синкретизм привел к значительным изменениям в составе населения, особенно в первые века нашей эры. При этом, однако, был сделан вывод, что основной пласт все-таки принадлежал скифам, культура которых подверглась значительной модификации. В городах процесс ассимиляции скифами других народностей, по ее мнению, происходил быстрее²⁰. В обобщающих работах О.Д. Дашевской также подчеркивается, что сарматские элементы в обряде погребения поздних скифов не следует преувеличивать²¹. А.А. Масленников предложил пересмотреть вывод о сарматизации культуры Боспора в первые века нашей эры, однако его построения находятся в противоречии с результатами проведенного им же факторного анализа локальных зон полуострова²².

Дискуссионными являются и вопросы социальной структуры позднескифских племен Крыма. Исследователи сходятся на том, что общественное устройство было сложным, о чем свидетельствуют различия в устройстве погребальных сооружений, а также в обряде и инвентаре²³. Разработке темы о характере позднескифской семьи посвящены работы Д.С. Раевского²⁴, А.М. Хазанова²⁵, Б.Ю. Михлина²⁶.

¹⁴ Раевский. К истории... С. 110–120.

¹⁵ Зайцев Ю.П. До питання про грецьке населення Неаполя Скіфського // Археологія. 1990. № 1. С. 83–94; *он же*. Мавзолей Неаполя Скіфського // Археологія. 1992. № 1. С. 93–99.

¹⁶ Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе // ПСА. С. 148–151.

¹⁷ Гуцина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму // АИЮВЕ. 1974. С. 32–64; *она же*. О локальных особенностях населения Бельбекской долины Крыма в первые века нашей эры // Там же. 1982. С. 20–30; Богданова Н.А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Там же. 1982. С. 31–40; *она же*. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // АИЮВЕ. 1989. С. 17–70; Богданова Н.А., Гуцина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв. н.э.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.

¹⁸ Высотская. Этнический состав... С. 48–50; Храпунов І. М. До соціально-політичної характеристики пізньоскіфського царства // Археологія. 1992. № 1. С. 91. Прим. 12; Симоненко А.В. Сарматы Таврії. Киев, 1993. С. 115–117.

¹⁹ Пуздровський О.Е. Сармати в Неолі Скіфському // Археологія. 1989. № 3. С. 20–40; *он же*. Кримська Скіфія... С. 128–132; Зубар В.М., Савеля О.Я. Новий сарматський могильник другої половини I – початку II ст. н.е. в Південно-Західному Криму // Археологія. 1989. № 2. С. 74–83; Зубар В.М. Новий латинський напис с Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. № 1. С. 124–126; *он же*. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 109–126.

²⁰ Высотская. Этнический состав... С. 40–67; *он же*. Поздние скифы в Крыму... С. 14.

²¹ Дашевская О.Д. Поздние скифы... С. 139 сл.; *она же*. Поздние скифы в Крыму... С. 23–41.

²² Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. С. 190, 195–197, 199, 201.

²³ Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983. С. 113–115; Храпунов. До соціально-політичної характеристики... С. 87–88.

²⁴ Раевский Д.С. Позднескифская семья по археологическим данным // СЭ. 1971. № 2. С. 60–68.

²⁵ Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 63 сл.

²⁶ Михлин Б.Ю. О характере позднескифской семьи // СА. 1987. № 2. С. 31–40.

Несмотря на столь пристальное внимание скифологов проблемы этнополитической истории и социальной структуры населения Крымской Скифии остаются во многом далекими от разрешения²⁷.

В современных исследованиях прочно утвердилась концепция П.Н. Шульца, согласно которой «поздними» называют скифов послеатеевского времени, населявших Нижнее Приднепровье и Крым. При этом предполагается непрерывная, органическая связь между заключительным и предшествующим этапами истории Скифии²⁸. Дальнейшая разработка этих взглядов нашла отражение в ряде обобщающих исследований Т.Н. Высотской. Главный ее вывод: «...несмотря на различные этнические влияния, культура поздних скифов оказалась достаточно устойчивой, в течение многих веков сохраняются ее собственные черты»²⁹.

Анализ письменных и эпиграфических источников, археологических и антропологических материалов позволяет пересмотреть устоявшиеся взгляды об этническом составе населения Крымской Скифии, выяснить динамику этнокультурных взаимодействий, определить характер отношений между различными племенными группировками³⁰.

Скифы. Представления о преобладании скифского этноса на всех этапах развития полиэтничного объединения племен в Крыму являются ошибочными. Начиная со второй трети – середины III в. до н.э. прекращаются скифские захоронения в степных курганах. В этот же период замирает жизнь на многих неукрепленных поселениях в предгорьях со смешанным скифо-кизил-кобинским составом населения (Керменчик, Кермен-Кыр, Булганакское, Змеиное, Вишенное и др.), о чем свидетельствуют данные керамической эпиграфики³¹. Вероятно, какая-то часть прежнего оседлого населения сохранилась в предгорных районах, однако археологически этот горизонт на поселениях не фиксируется, а в исследованных каменных подкурганых сооружениях предгорной группы с большим количеством костяков нет погребений с надежным датирующим материалом второй половины III в. до н.э.³² или отсутствует полевая документация, а находки утеряны³³. Это затрудняет определение времени возникновения гробниц, поскольку в них есть вещи более раннего хронологического этапа³⁴.

Схожая ситуация сложилась во всем северопричерноморском регионе³⁵. Эти синхронные, по мнению А.Н. Щеглова, события следует связывать с сарматским опусто-

²⁷ Храпунов. До социально-політичної характеристики... С. 86–92; Зайцев. Мавзолей... С. 93–99; Зубар В.М. Про пізньюскіфську державність // Археологія. 1992. № 1. С. 100–102; Пуздровський. Кримська Скіфія... С. 125–135; Ольховський В.С. Про дискусійні питання соціально-політичної історії пізньюскіфського царства // Археологія. 1992. № 2. С. 136–139; Высотская Т.М. До питання про соціальну-політичну структуру пізньюскіфської держави // Археологія. 1992. № 2. С. 139–143.

²⁸ Шульц. Исследования... С. 61–93; он же. Позднескифская культура... С. 127–143.

²⁹ Высотская. Поздние скифы в Крыму... С. 23.

³⁰ Пуздровский А.Е. Население Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. (этнополитический аспект): Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1993.

³¹ Зайцев, Пуздровский. Ук. соч. С. 232; Пуздровский А.Е. О скифо-херсонесских конфликтах в III–II вв. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 142 сл.; Павленков В.И. К вопросу о времени и характере возникновения Неаполя Скифского // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Запорожье, 1989. С. 115 сл.; Храпунов И.Н., Федосеев Н.Ф. Керамические клейма Булганакского городища // Древности. Харьков, 1997. С. 102–110.

³² Ср. Колтухов С.Г., Мыц В.Л., Колтухин В.А. Первые результаты археологических исследований курганного некрополя Ак-Кая // Херсонес в античном мире. Тез. докл. конф. Севастополь, 1997. С. 55 сл.

³³ Трошская Т.Н. Скифские курганы в Крыму // ИКОГО. Симферополь, 1951. Вып. 1. С. 91–99.

³⁴ Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1993. С. 41 сл.

³⁵ Наиболее полно эта проблема отражена в развернувшейся дискуссии: Виноградов Ю.А., Мирченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3. С. 93–103; Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124. См. Пуздровский. О скифо-херсонесских конфликтах... С. 142 сл.; Полин С.В. По поводу рецензии И.В. Бруяко // РА. 1997. № 4. С. 207–215; Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии без природных катастроф // Там же. С. 215–218.

шением Скифии³⁶. Виновниками гибели поселений херсонесской хоры Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов считают либо сарматов, либо теснимых ими скифов³⁷. М.И. Золотарев и Е.Я. Туровский склоняются к последнему предположению³⁸.

Такая трактовка событий противоречит имеющимся данным о мирном сосуществовании скифских племен с античными полисами, что объясняется экономическими причинами. На хоре Херсонеса, Боспора, Ольвии проживало значительное количество варварского населения³⁹. Если принять точку зрения о перемещении в Крым кочевых скифов, теснимых сарматами, то следовало бы ожидать численного увеличения скифских памятников. Однако реальная ситуация была прямо противоположной⁴⁰. С.В. Полин связывает упадок Скифии не с военными действиями, а с изменением внутри хозяйственно-культурного типа и ухудшением климатических условий в обширной зоне степных пространств⁴¹. Такой вариант решения вопроса, однако, не объясняет внезапной гибели многих античных памятников и прекращения скифских захоронений в курганах, что свидетельствует о резкой смене демографической ситуации.

Указанные события, вероятно, были обусловлены *совокупностью* факторов: 1) внутренними изменениями в хозяйственно-культурном типе скифских племен⁴²; 2) грабительскими набегами савромато-сарматов и установлением их политического господства без занятия территории⁴³; 3) изменением климатических условий⁴⁴; 4) нерациональным использованием земельных ресурсов⁴⁵.

Поскольку наиболее ранние объекты позднескифской культуры в Крыму датируются концом III – началом II в. до н.э., из этого следует, что между ними и скифскими степными памятниками конца IV – начала III в. до н.э. нет прямой преемственности⁴⁶. Можно лишь предполагать, что носителями скифского этноса в Северном Причерноморье в позднеэллинистическое время выступают остатки кочевой аристократии, а также анклав в Подунавье, Приднестровье и Побужье, на существование которых указывают преимущественно эпиграфические и нумизматические источники⁴⁷. Нельзя исключить, что в степных и глубинных горных районах Крым-

³⁶ Щеглов. Позднескифское государство... С. 32.

³⁷ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 361–362; Щеглов А.Н. Еще раз о причине денежного кризиса III в. до н.э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Тез. докл. конф. Одесса, 1989. С. 56–58.

³⁸ Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 85 сл.

³⁹ Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 53–55; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 250–252; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 146–151.

⁴⁰ Полин. От Скифии к Сарматии. С. 109–111.

⁴¹ Он же. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45. С. 24–29.

⁴² Доманский Я.В. Из истории отношений Ольвии со Скифией // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. конф. Парутино, 1985. С. 24 сл.

⁴³ Максименко В.Е. К вопросу о времени установления политического господства сарматов в Северном Причерноморье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 41 сл.

⁴⁴ Полин. Про сарматське завоювання... С. 28 сл.

⁴⁵ Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. С. 21–24, 94 сл.; Масленников О.О. Историко-географічне районування Східного Криму в античну епоху // Археологія. 1989. № 4. С. 43.

⁴⁶ Пуздровский. Население... С. 12, 14. Ср. Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя Скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995. Вып. V. С. 72–80, 87.

⁴⁷ Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. Запорожье, 1995. С. 83–85, 96–161; Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины // МИА. 1962. 115. С. 114–166; Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин А.В. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 251–255; Виноградов. Поли-

ского полуострова также сохранились группы скифских полукочевых племен, однако численность их вряд ли была велика.

Некоторые детали погребального обряда поздних скифов (использование каменных гробниц, асинхронность захоронений, наличие в инвентаре колчаных крюков, портупейно-поясных наборов, лепных курильниц) свидетельствуют о проникновении населения из Восточного Крыма, Предкавказья и Нижнего Дона. Однако эти локальные области в V–III вв. до н.э. были довольно специфичны по материальной культуре, обряду погребений, антропологической характеристике⁴⁸, поэтому их связь с причерноморскими степными скифами весьма условна.

Со скифским этносом в Крыму можно соотносить основные подкурганые каменные сооружения с многократными захоронениями, а также земляные склепы – катакомбы в грунтовых могильниках с погребениями II–I вв. до н.э. – первой половины I в. н.э. Разница в планировке камер (овальная, прямоугольная, квадратная, трапециевидная) и оформлении входа может указывать на различную племенную принадлежность похороненных в них людей. П.Н. Шульц считал, что старые скифские традиции прослеживаются в архитектуре мавзолея Неаполя⁴⁹. В погребальном обряде в ряде случаев западная ориентировка может служить критерием при скифской атрибуции захоронения, равно как и обычай помещать напутственную мясную пищу на дно могилы. В позднеэллинистическое время для мужских захоронений характерны наконечники копий, железные втульчатые наконечники стрел, колчаные крюки и портупейно-поясные наборы, наконечники пояса. В женских захоронениях типичны украшения латенской эпохи; браслеты (многовитковые, с завязанными концами, с утолщениями), перстни со спиральным завитком на щитке, фибулы среднелатенской схемы, гончарные флаконы, глазчатые и полихромные бусы.

Сопоставление антропологических данных крымских скифов (Неаполь) и кочевников Нижнего Приднепровья показало, что последние имели значительно большие размеры черепа. Определенную «грациальность» неапольских черепов Т.С. Кондукторова объясняет примесью средиземноморского элемента, а более округлую форму мозговой коробки – связями с сарматами и таврами⁵⁰. Из этого следует, что антропологический тип крымских скифов формировался в процессе взаимодействия с фракийским и греческим населением (южные европеоиды), а также аборигенными племенами (скифо-кизил-кобинцы) и сарматскими группами.

Тавры. Контакты кочевых скифов с аборигенным населением полуострова происходили на протяжении нескольких столетий⁵¹. Уже в архаическую эпоху существовали подкурганые захоронения с западной ориентировкой и элементами скорченности покойных, лощеной керамикой и изделиями из кремния в инвентаре. Эти черты указывают на появление культуры смешанного скифо-кизил-кобинского типа⁵². В V–IV вв. до н.э. в процессе взаимовлияния указанных этносов продолжалось формирование единой общности, хотя в этот период в целом усиливается проникновение

тическая история... С. 180–204; ср. *Полин*. От Скифии к Сарматии. С. 45–49; *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. С. 97, 101, 103, 106.

⁴⁸ *Петренко В.Г.* Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 1989. С. 79 сл.; *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. С. 167–172; *Дебец Г.Ф.* Черепа из курганов Среднего Подонья // *Население Среднего Дона в скифское время*. М., 1969. С. 38–40; *Круц С.И.* К вопросу об этнической принадлежности населения Керченского полуострова в скифское время (По антропологическим данным) // *Проблеми Історії та археології давнього населення Української РСР*. Київ, 1989. С. 115–117.

⁴⁹ *Шульц*. Мавзолей... С. 48–50.

⁵⁰ *Кондукторова Т.С.* Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними // МАУ. Київ, 1964. Вып. 3. С. 38 сл.

⁵¹ *Колотухин В.А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев, 1996. С. 79–83.

⁵² *Ольховский*. Погребально-поминальная обрядность... С. 85 сл.

степных скифов из-за Перекопа и с востока (азиатский Боспор, Прикубанье), принесших с собой характерные черты погребальной обрядности. В это же время появляются грунтовые могильники с разновременными захоронениями (Фронтное, Золотое), что свидетельствует об оседлом характере жизни населения. Археологические материалы показывают, что кизил-кобинская культура прекратила свое существование не позднее первой половины III в. до н.э.⁵³ Находки более позднего времени на поселениях единичны. Процесс смешения кочевых и аборигенных земледельческих племен в Крыму происходил наиболее активно в IV – начале III в. до н.э. Памятники тавров позднеэллинистического и римского времени в горном Крыму неизвестны⁵⁴. Антропологические данные свидетельствуют о возможном участии тавров в формировании физического типа крымских скифов. Однако следует учитывать, что среди исследователей нет единства взглядов по вопросу о характеристике тавров как однородного массива⁵⁵.

Таким образом, ко времени образования позднескифской культуры (конец III – первая половина II в. до н.э.) таврского этноса в предгорном Крыму в чистом виде не существовало. Однако участие смешанного скифо-таврского населения в формировании новой общности сомнений не вызывает. Таврские (кизил-кобинские) традиции прослеживаются в широком использовании в конструкциях погребальных сооружений камня, в наборе и характере отделки лепной посуды, в погребальном инвентаре (просверленные клыки животных, изделия из кремня, булавки, простые кругло-проволочные браслеты, перстни, кольца, спиральные подвески и др.). Необходимо подчеркнуть, что удельный вес «таврского» элемента в составе населения по имеющимся материалам выяснить вряд ли возможно, прежде всего из-за отсутствия прямой связи между кизил-кобинскими комплексами и памятниками позднескифской культуры.

Греки. Эллинистические элементы в позднескифской культуре проявились особенно ярко в столице государства – Неаполе. Об этом свидетельствует характер жилой застройки, отделки зданий, уровень материальной и духовной культуры его жителей. Нет сомнений, что здесь проживал определенный греческий контингент, связанный с местной аристократией экономическими и политическими интересами. Об этом свидетельствуют эпиграфические находки⁵⁶, а также комплекс построек хозяйственно-жилого и общественного назначения на главной городской площади⁵⁷. Эта прослойка населения занималась торгово-ремесленной и, возможно, военно-консультативной и строительной деятельностью. На других поселениях элементы греческой культуры, за исключением Западного Крыма, прослеживаются слабо⁵⁸.

В погребальном обряде влияние эллинистических обычаев проявилось в восточной ориентровке умерших, помещении покойников в деревянный гроб или саркофаг, в сопро-

⁵³ Колотухин В.А. Население Предгорного и Горного Крыма в конце II – первой половине I тыс. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1988. С. 10; он же. Горный Крым... С. 62 сл. Ср. Власов В.П. О хронологических рамках кизил-кобинской (таврской) культуры // Древности. Харьков, 1997. С. 15–22.

⁵⁴ Ср. Соломоник Е.И. Про значения терміна «тавро-скіфи» // АП. 1962. Вып. XI. С. 153–157; она же. Таври. Тавріка. Київ, 1976. С. 46–50; Пиоро И.С. К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время // Херсонес в античном мире. Тез. докл. конф. Севастополь, 1997. С. 96 сл.

⁵⁵ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.–Л., 1948. С. 163; Соколова К.Ф. Тавры Крымского полуострова // ВА. 1960. Вып. 3. С. 66–75; Круц. К вопросу... С. 115–117; Покас П.М., Назарова Т.А., Дяченко В.Д. Материалы по антропологии Акташского могильника // Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988. С. 140 сл.; Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С. 27–29.

⁵⁶ Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. III. С. 32–44; Виноградов. Политическая история... С. 230–250.

⁵⁷ Зайцев. До питання... С. 83–94; ср. он же. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3. С. 36–50.

⁵⁸ Высотская Т.Н. Влияние античной культуры на скифов поздней поры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 209–215.

вождающем инвентаре (светильники, импортная посуда, предметы античной торевтики, украшения и детали греческого костюма и др.). Большинство исследователей справедливо полагает, что в ранний период (II–I вв. до н.э.) эллинизация коснулась в основном скифской аристократии. Однако следует учитывать наличие эллинизированного земледельческого населения в Северо-Западном Крыму и Неаполе, связанного, вероятнее всего, по происхождению с Северо-Западным Причерноморьем⁵⁹ и Боспором.

Т.С. Кондукторова отмечает, что черепа из мавзолея Неаполя отличаются от черепов из Восточного могильника меньшими абсолютными величинами мозгового и лицевого отделов⁶⁰, что, вероятно, послужило основанием для интерпретации их первым исследователем Г.Ф. Дебецем как принадлежащих южным европеоидам⁶¹. Очевидно, среди похороненных в мавзолее были лица греческого происхождения. Скорее всего их присутствие связано с браками между представителями царствующей династии и эллинскими аристократическими семьями Боспора⁶².

Второй этап эллинизации, охвативший более широкие слои общества, связан, по мнению Д.С. Раевского, с проникновением в I в. н.э. сармато-меотов с Боспора, испытывавших определенное влияние античной культуры⁶³. Надо отметить граффити – посвящения греческим богам на краснолаковой посуде, преимущественно второй половины I – начала II в. н.э., известные в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма⁶⁴. Во II в. н.э. в Неаполе, возможно, проживали лица, связанные с боспорской (?) администрацией. Это следует из перестройки здания А и росписи его стен, выполненных в традициях боспорских декорировок⁶⁵ и небольшого обломка надписи первых веков нашей эры.

Греческое и эллинизированное население в позднеэллинистический период концентрировалось в Северо-Западном Крыму и в Неаполе. Освоение поздними скифами захваченной у Херсонеса хоры в Западном Крыму было бы невозможно без участия людей, имевших определенные традиции в фортификационном и жилом строительстве, использовавших систему комплексного хозяйствования и т.п. Все это предполагает длительное знакомство с достижениями греческой цивилизации. Появление переселенцев из Северо-Западного Причерноморья и, возможно, Боспора, было вызвано политикой скифской аристократии, стремившейся к созданию крепкого варварского государства эллинистического типа. В первые века нашей эры в силу конфронтации позднескифского объединения с античными государствами и децентрализацией Крымской Скифии, греческие элементы проявляются не столь ярко, как в предыдущий период. Заимствуются отдельные виды украшений, детали костюма. В погребальном обряде получает распространение идея вырубленных в скале склепов, инвентарь представлен образцами античной посуды, изделиями из стекла, бронзы, кости. Имеются данные о распространении культа некоторых греческих богов (посвятительные граффити), греческой алфавитной системы счета и римской метрологии⁶⁶. В крупных центрах городского типа (Неаполь, Усть-Альма) могли проживать лица греческого

⁵⁹ Пуздровский А.Е. К проблеме формирования Неаполя Скифского // Проблемы античной культуры. Тез. докл. конф. Симферополь, 1988. С. 304; он же. О скифо-херсонесских конфликтах... С. 143 сл.

⁶⁰ Кондукторова. Населения... С. 37.

⁶¹ Герасимова, Рудь, Яблонский. Ук. соч. С. 27 сл.

⁶² Вишгородов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55–87; Зайцев Ю.П. Памятники скульптуры из мегарона Южного дворца Неаполя Скифского // Крымский музей. 1995–1996 гг. Симферополь, 1996. С. 22.

⁶³ Раевский. К истории... С. 114–119.

⁶⁴ Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 167–180.

⁶⁵ Яценко И.В. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе Скифском // СА. 1960. № 4. С. 91–112.

⁶⁶ Соломоник Е.І. Написи на кримських амфорах перших століть нашої ери // Археологія. 1993. № 2. С. 114 сл.; она же. Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков нашей эры // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 42.

происхождения, связанные с боспорской и римской администрацией, а также занимавшиеся торговыми операциями. Значительно эллинизированной и романизированной была группа населения в ближайшей округе Херсонеса во II–III вв. н.э.

Кельты. Фракийцы. Контакты позднескифского населения Северного Причерноморья с западными соседями относятся ко II в. до н.э. – I в. н.э. Наиболее активно они происходили в пограничной зоне (Поднепровье, Побужье). В IV–III вв. до н.э. здесь известны памятники смешанного скифо-фракийского облика⁶⁷, что подтверждается и данными антропологии⁶⁸. О присутствии в IV–I вв. до н.э. в Ольвии и ближайшей округе населения, связанного по происхождению с гето-фракийским массивом племен, свидетельствует анализ лепной керамики⁶⁹. Как известно, позднескифская культура Нижнего Днепра испытала довольно сильное фракийское влияние, что проявилось в лепном керамическом комплексе, предметах культа, жертвенных площадках, наборе украшений и др.⁷⁰ Следует отметить пока еще единичные находки трупосожжений в каменных ящиках⁷¹.

Анализ материальной культуры позднескифских племен Крыма показывает, что имело место не только заимствование отдельных западных форм и предметов бытового назначения, но и присутствие определенных групп фракизированного населения. На это указывает лепной керамический комплекс раннего этапа позднескифской культуры (до середины I в. н.э.), который служит своеобразным этническим индикатором. В погребальном обряде фракийское присутствие можно связать с находками трупосожжений в использованных вторично таврских ящиках на плато Капак-Таш⁷². В целом разработка этого направления в исследованиях представляется перспективной.

Проблема кельтов в Северном Причерноморье и в Крыму в частности состоит в том, что имеющиеся материалы не позволяют определить степень их участия в этнокультурных процессах. Вещи среднелатенского и позднелатенского облика могли попадать на полуостров несколькими путями. Один из них – вместе с отрядом кельтов, входивших в состав армии Митридата VI Евпатора. Следствием их пребывания в Пантикапее, как считает М.Ю. Трейстер, явилась мода на ношение фибул среднелатенской схемы со скрепкой⁷³. Однако такие фибулы известны в некрополе Беляуса и в Неаполе, где вряд ли размещались понтийские гарнизоны⁷⁴. Скорее всего эта традиция связана с притоком в Крым в I в. до н.э. новой волны фракизированного населения. Второй путь проникновения вещей латенской эпохи – вместе с сарматами, участвовавшими в походах в Малую Азию (в составе армии Митридата). Это в основном трофейное вооружение (шлемы⁷⁵, мечи) и бронзовая посуда⁷⁶. Таким путем могли попасть в мавзолей Неаполя мечи среднелатенской группы и бронзовое этрусское зеркало⁷⁷. Эти вещи, безусловно, имели долгое хождение. Другое дело –

⁶⁷ Ольховский. Погребально-поминальная обрядность... С. 169.

⁶⁸ Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1983. С. 52, 62, 68 сл.

⁶⁹ Марченко К.К. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV – первой половины I в. до н.э. // КСИА, 1975. 143. С. 70–76.

⁷⁰ Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 1958. 64. С. 103–247; Вязьмитина М.И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // МИА. 1969. 150. С. 119–134; она же. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА. 1969. № 4. С. 62–77.

⁷¹ Зубарь В.М., Кубышев А.И. Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья // СА. 1987. № 4. С. 148–253.

⁷² Колотухин В.А. Раскопки могильника на плато Капак-Таш // АО 1980 г. М., 1981. С. 260 сл.

⁷³ Трейстер М.Ю. Кельты в Північмор'ї // Археологія. 1992. № 2. С. 40–41, 43.

⁷⁴ Ср. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 136, 147.

⁷⁵ Есть точка зрения, что шлемы, асинхронные другим вещам комплексов, попали к сарматам еще в период их первого столкновения с кельтами в Поднепровье (см. Виноградов, Марченко, Рогов. Ук. соч. С. 102), т.е. на 100–200 лет раньше походов в Малую Азию.

⁷⁶ Трейстер. Кельты... С. 40 сл.

⁷⁷ Шульц. Мавзолей... Табл. VII; XVII, 1; Зайцев Ю.П. Верховная знать Неаполя Скифского (Новое

портупейно-поясные наборы конца II – начала I в. до н.э. в погребениях мавзолея и Восточного могильника. Такие предметы экипировки, вероятно, поступали в Неаполь в результате контактов с кельтами в Балкано-Дунайском регионе. Этим путем в Северное Причерноморье в I в. до н.э. – I в. н.э. попадали многочисленные украшения, прототипы которых известны на кельтских территориях в более раннее время⁷⁸. Не исключено, что отдельные группы кельтов проникали в различные районы Северного Причерноморья, как это отмечается для Верхнего Поднестровья и Среднего Поднепровья, античных городов⁷⁹. Возможно, они входили в состав гранизонов крепостей и дружин скифских басилевсов, однако это не более чем предположение.

Таким образом, кельтские и фракийские элементы в позднескифской культуре Крыма фиксируются достаточно четко. Первый этап взаимодействия относится ко II в. до н.э. и, возможно, связан с притоком сохранившегося скифо-фракийского населения из Северо-Западного Причерноморья в результате давления переселившихся на Нижний Дунай в конце III – начале II в. до н.э. восточно-балканских кельтов и бастарнов⁸⁰. Второй этап относится ко второй половине I в. до н.э. – началу I в. н.э. и отражает движение гето-дакийского массива племен в восточном направлении. После середины I в. н.э. западные элементы в позднескифской культуре отражают экономические и культурные контакты с провинциально-римским населением придунайских областей и их уроженцами в составе римских войск, расквартированных в Таврике.

Сарматы. Меоты. Аланы. Вопросы сарматизации позднескифской культуры Крыма привлекали довольно многих исследователей. П.Н. Шульц относил начало этих процессов ко II–I вв. до н.э. и связывал с легендой о сарматской царице Амаге, договором Херсонеса Таврического и Фарнака, событиями Диофантовых войн. Средний этап он датировал I–II вв. н.э. (победы боспорских царей над скифами), поздний – рубежом II–III вв. н.э. (появление алан на Керченском п-ове, победы Савромата II и Рескупорида III)⁸¹. Т.Н. Высотская датирует первый этап II–I вв. до н.э., второй – II в. н.э., третий – IV–V вв. н.э.⁸² Основываясь на материалах некрополя Неаполя, Д.С. Раевский выделил три волны сарматской экспансии: первая связана с переселением роксолан во II–I вв. н.э., вторая – с притоком во второй трети I в. н.э. сармато-меотов после победы Аспурга над скифами, третья – с появлением в III в. н.э. аланов и погребений на городище⁸³. Ряд положений Д.С. Раевского был подвергнут критике Т.Н. Высотской, которая отрицает массовое проникновение сарматов в Неаполь вскоре после победы Аспурга над скифами, а также не считает возможным связывать сарматские погребения III в. н.э. на городище с определенным этапом⁸⁴. Пересмотр хронологии могильников Неаполя с привлечением материалов стратиграфических горизонтов городища и пригорода позволили откорректировать схему сарматской экспансии, предложенную Д.С. Раевским⁸⁵. В последнее время к этой теме обратился А.В. Симоненко, который не считает возможным говорить о «пребывании сарматов в Неаполе (и вообще в Крыму) до рубежа н.э.», поскольку в «северокрымских степях неизвестно ни одного сарматского погребения II–I вв. до н.э.», а вещи сарматских типов «не обязательно являются доказательством этнического присутствия сарматов на той или иной несарматской территории»⁸⁶. Рассмотрение мате-

исследование захоронения в каменной гробнице мавзолея) // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Материалы заседаний «Круглого стола». СПб., 1994. С. 97. Рис. 3.

⁷⁸ Трейстер. Кельты... С. 44–46. Рис. 9.

⁷⁹ Там же. С. 45 сл.

⁸⁰ Андрух. Нижнедунайская Скифия... С. 85, 110–117.

⁸¹ Шульц. Позднескифская культура... С. 140–142.

⁸² Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С. 185.

⁸³ Раевский. Скифы и сарматы... С. 150 сл.

⁸⁴ Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С. 183–185; она же. Неаполь... С. 192–196; она же. Этнический состав... С. 48–50.

⁸⁵ Пуздровский. Сарматы... С. 39.

⁸⁶ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 116.

риалов позднескифских могильников Юго-Западного и Центрального Крыма позволило уточнить хронологию этапов сарматизации и участия сармато-меотских и сармато-аланских племен в этнополитических процессах на полуострове⁸⁷. С небольшими поправками эта схема предложена в настоящей работе.

Первый этап проникновения сарматов относится к концу II–I в. до н.э., хотя его можно распространить до начала I в. н.э. С ним связаны впускные захоронения в курганы, часто вблизи скифских поселений (Кермен-Кыр, Барабаново, Маленькая, Чистенькая, Цветочное, курган 1949 г. Неаполя и др.). Инфильтрация этого населения прослеживается и в грунтовых могильниках (Неаполь, Битак, Дмитрово, Кульчук, Усть-Альма, Рассадное), что может свидетельствовать о постепенном, мирном слиянии сарматского и скифского этносов.

Необходимо отметить, что погребений этого времени исследовано немного, поэтому говорить о путях проникновения сарматов в Крым и об этноплеменной принадлежности погребений можно лишь в предположительной форме. Погребения с южной ориентировкой скорее всего связаны с притоком населения из Прикубанья и азиатского Боспора, испытавшего давление прохоровской культуры⁸⁸. Особое место принадлежит захоронениям в мавзолее Неаполя, обряд которых также отражает связи аристократического рода с сарматизированным населением азиатского Боспора⁸⁹. В Северо-Западном Крыму для этого времени известны случаи вторичного использования под захоронения античных каменных гробниц (Керкинитида, Заозерное), что может свидетельствовать о наличии вблизи позднескифских поселений кочевого сарматского населения.

Небольшой всплеск сарматской активности наблюдается в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. В это время появляются впускные захоронения в курганах междуречий Альмы, Качи и Бельбека, а также вблизи Херсонеса (Братское кладбище)⁹⁰. С этой волной, очевидно, связаны первые подбойные могилы Усть-Альминского некрополя⁹¹, ряд конструкций этого типа в Беляусе⁹², могильника у с. Кольчугино⁹³, впускные подбойные и грунтовые могилы с каменными сооружениями в курганах Северо-Западного Крыма (Беляус, Кульчук). Первой половиной I в. н.э. ближе к середине столетия, датируется богатое женское захоронение в Ногайчинском кургане⁹⁴.

Второй этап (вторая половина I – начало II в. н.э.). В свое время Д.С. Раевский связал появление сарматов в Неаполе и родоначальника новой позднескифской династии (предполагаемого сармата Ходарза) с победой боспорского царя Аспурга не позднее 23 г. н.э.⁹⁵ Недавно, с определенными оговорками, к этой гипотезе при-

⁸⁷ Пуздровский. Кримська Скіфія... С. 127–132; он же. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. 1995. IV. С. 397–402.

⁸⁸ Ср. Раевский Д.С. Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1971. С. 7; Симоненко. Сарматы Таврии. С. 116.

⁸⁹ Пуздровский А.Е. К интерпретации захоронений в мавзолее Неаполя Скифского // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 86 сл.; он же. Сарматы... С. 31–32; он же. Сарматы в Крыму // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. конф. Симферополь, 1991. С. 100; он же. Кримська Скіфія... С. 127; он же. О сарматах... С. 399; ср. Зайцев. Мавзолей... С. 98; он же. Верховная знать... С. 100; он же. Южный дворец... С. 46–49.

⁹⁰ Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С. 69–72.

⁹¹ Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Охранные раскопки Усть-Альминского могильника // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 228.

⁹² Дашевская О.Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 53–60.

⁹³ Храпунов И.Н., Масыкин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 124 сл.

⁹⁴ Симоненко. Сарматы Таврии. С. 70–74.

⁹⁵ Раевский. К истории... С. 117–119; ср. Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 66–82; Высотская. Этнический состав... С. 48, 50; Храпунов. До соціально-політичної характеристики... С. 92. Прим. 51.

соединился и Ю.Г. Виноградов⁹⁶. В важности победы Аспурга сомневаться не приходится. Археологические материалы дают основание говорить об усилении оборонительной системы Неаполя Скифского в начале I в. н.э., а также о пожарах в городе и пригороде⁹⁷. Победа над скифами, однако, не сопровождалась массовым переселением сармато-меотов в Неаполь, как полагает Д.С. Раевский⁹⁸. Постройки в городе и пригороде восстанавливаются во второй четверти I в. н.э., наблюдается определенная преемственность в материальной культуре, строительных традициях и др. Кроме того, распространение на некрополях Неаполя подбойных могил, на которых акцентирует внимание Д.С. Раевский, относится к середине – третьей четверти I в. н.э. и связано скорее всего с событиями римско-боспорской войны 46–49 гг. н.э., когда вследствие аорско-сиракского конфликта в предгорный Крым проникают племена позднепрохоровской культуры и сармато-меоты Прикубанья⁹⁹. В Северо-Западном Крыму после середины I в. н.э. фиксируется сокращение численности жителей¹⁰⁰, что может быть связано с враждебными действиями аорсов¹⁰¹. В Юго-Западном и Центральном Крыму, напротив, происходит увеличение населения, распространяются подбойные могилы и грунтовые могилы с заплечиками. Появляются склепы-катакомбы с погребениями сарматской знати, сопровождающиеся богатым погребальным инвентарем и конскими захоронениями (Усть-Альма). В степном Крыму фиксируется кочевое население, памятники которого тяготеют к Присивашью¹⁰². На рубеже I–II вв. н.э. и в первые десятилетия II в. н.э. предгорный Крым был затронут новой волной кочевников. К этому времени относится ряд ярких воинских погребений раннеаланской (позднесарматской) культуры в Неаполе и его округе¹⁰³.

Третий этап (конец II – первая половина III в. н.э.) связан с переселением в Юго-Западный и Центральный Крым сармато-аланских племен вследствие политики боспорских царей, Херсонеса и Рима¹⁰⁴. В погребальном обряде происходит ряд изменений: увеличивается количество захоронений в колодах, южная ориентировка сменяется северной, появляются глубокие подбойные могилы и плитовые, продольно-осевые грунтовые склепы с овальной, подпрямоугольной и трапециевидной формой камеры (Усть-Альма, Неаполь, Нейзац), получают распространение вырубные склепы (Неаполь, Брянское), фиксируются находки деформированных черепов. Наиболее ярко сармато-аланские черты в погребальном обряде и инвентаре проявляются в конце этапа, особенно после катастрофических событий конца первой четверти III в. н.э., зафиксированных в Неаполе и его округе, а также, возможно, на Усть-Альминском городище¹⁰⁵. Очевидно, с вторжением сармато-алан и изменившейся обстановкой на дунайской границе связано сокращение римского военного присутствия в Таврике (Алма-

⁹⁶ Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 155.

⁹⁷ Колтухов С.Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 1. С. 187.

⁹⁸ Раевский. Скифы и сарматы... С. 151.

⁹⁹ Шукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н.э. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1. С. 75–80; Пуздровский. Кримська Скифія... С. 130-сл.; Русаева А.С. Ольвийско-сарматские отношения во второй половине I в. н.э. // Археология. 1995. № 4. С. 26–33.

¹⁰⁰ Яценко И.В. Исследование сооружений скифского периода на городище «Чайка» в Евпатории // КСИА. 1970. 124. С. 36; Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 43; Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3. С. 211; Попова Е.А. Юго-Западный квартал скифского поселения у санатория «Чайка» близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 71.

¹⁰¹ Пуздровский. Кримська Скифія... С. 129.

¹⁰² Симоненко. Сарматы Таврии. С. 67–74.

¹⁰³ Высотская. Неаполь... С. 201–203. Орлов К.К., Скорый С.А. Комплекс с бронзовым посудом римского часу с похоронения в Центральном Крыму // Археология. 1989. № 2. С. 71–73; Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Новиков И.И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 116–122.

¹⁰⁴ Пуздровский. Сарматы в Крыму. С. 101; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 111–117.

¹⁰⁵ Пуздровский. Население... С. 13; Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 28, 145.

Кермен, Харакс, Кадыковка). Дальнейшая судьба населения предгорного Крыма связана с эпохой «готских походов»¹⁰⁶.

Этнический состав населения Крымской Скифии на протяжении пяти столетий претерпел значительные изменения. На первом этапе (конец III–II в. до н.э.) произошло слияние местного (скифо-кизил-кобинского) и пришлого (скифо-фракийского) населения. При этом нельзя не учитывать возможность участия в этом процессе отдельных группировок из восточных районов полуострова и Восточного Приазовья, этническая принадлежность которых к степным причерноморским скифам вызывает сомнения. Применяя терминологию этнографической науки, воздействие модуса миграции шло по третьему варианту, когда завоеватели (переселенцы) и аборигенное население количественно соизмеримы и происходит синтез этнического субстрата и суперстрата, возникает новый этнос¹⁰⁷. В результате объединительной деятельности Скилура и изменения демографической ситуации к концу II в. до н.э., вероятно, сформировался этнос – крымские скифы. Поток раннесарматского населения и фракизированных переселенцев из Северного Причерноморья в I в. до н.э. привел к размыванию этнической общности. Несмотря на относительную малочисленность нового притока населения (второй вариант модуса миграции), оно серьезным образом повлияло на общий облик культуры, некоторые виды материального производства, быт, культы и пр.

Сарматская волна второй половины I – начала II в. н.э. привела к значительному сокращению прежнего населения в Северо-Западном и Центральном Крыму и вынужденной интеграции крымских скифов и различных групп сарматских племен. В результате этих взаимодействий к концу II – началу III в. н.э. в предгорном Крыму сложилось скифо-сарматское объединение, контролируемое Боспором и Херсонесом при некотором преобладании сарматов (третий вариант модуса миграции).

Во второй – третьей четверти III в. н.э. скифо-сарматское объединение было разгромлено в результате нескольких походов аланских и готских племен, а остатки населения были включены в IV в. н.э. в новое объединение, где доминировали аланские элементы (первый вариант модуса миграции).

Вопросы социальной структуры позднескифского общества являются одними из сложнейших из-за отсутствия сведений о сословном делении, системе владения средствами производства и распределения производимой продукции. Археологические материалы позволяют лишь в самом общем виде решать эти вопросы, поэтому предлагаемые рассуждения отнюдь не претендуют на полноту и завершенность.

Позднескифский этап, по сравнению с предшествующим, ознаменовался крупными изменениями в хозяйственно-культурном типе скифских племен. Если в IV–III вв. до н.э. оседлый образ жизни отдельных групп населения определялся внутренними причинами развития скифского общества, находившегося на второй стадии кочевания¹⁰⁸, то во II–I вв. до н.э. он становится доминирующим и фиксирует переход к третьей стадии, когда возникают поселения, развивается ремесло, появляются замки – городища, расположенные в стратегически важных местах¹⁰⁹. Переход к оседлости и земледельческо-животноводческому хозяйству привел к изменениям в социальной структуре: усиливается социальная дифференциация, выделяется родовая знать, происходит процесс повторного классообразования на базе другой формы собственности. Известно, что доля мирного земледельческо-ремесленного труда по сравнению с военной сферой при оседлом образе жизни была значительно выше. При этом происходит

¹⁰⁶ Айбабин А.И. Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. 1996. V. С. 290–299. Рассмотрение четвертого этапа (вторая половина III – третья четверть IV в. н.э.) выходит за рамки работы.

¹⁰⁷ Алексеев В.П. Историческая антропология. М., 1979. С. 186; Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 259–262.

¹⁰⁸ Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ. 1981. № 6. С. 55; она же. Степи Евразии в эпоху средневековья. Введение. М., 1981. С. 5 сл.; Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. С. 92–95.

¹⁰⁹ Плетнева. Закономерности... С. 51, 58–60.

разделение труда между военной прослойкой и производителями материальных благ; экономика строится на гармоничном сочетании земледелия и животноводства, создающем базу роста для ремесла и торговли¹¹⁰.

Как конкретно происходили процессы оседания скифов-кочевников на землю в Крыму, неизвестно. Ясно лишь одно: они шли быстрее в контактной зоне проживания с потомками аборигенного населения полуострова (начиная с V в. до н.э.) и вблизи сельскохозяйственных территорий античных государств (Херсонес, Боспор). А.Н. Щеглов полагает, что изменения внутри хозяйственно-культурного типа кочевого общества в IV–III вв. до н.э. не являлись процессами седентаризации, а сельские поселения со смешанным населением находились не на собственно скифской территории. Оседание скифов на землю в конце III – начале II в. до н.э., согласно его представлениям, было вынужденным и обуславливалось внешними причинами. Седентаризация и консолидация скифских племен завершилась образованием позднескифского царства, становление и развитие которого происходило в формах, характерных для эллинистических государств¹¹¹.

В последнее время вопросы социально-политической структуры позднескифского государства рассматривались в дискуссии на страницах журнала «Археология»¹¹², поэтому пересказывать основные положения нет смысла. Гораздо важнее остановиться на социальной структуре позднескифского общества. Исследователи единодушны, что для поздних скифов характерна слабая дифференциация населения в социальном плане, поскольку погребения могильников очень однородны. Несколько отличаются лишь отдельные комплексы с оружием и золотыми вещами, а также аналогичные по набору инвентаря захоронения мавзолея¹¹³.

В дискуссии по этому вопросу В.С. Ольховский отметил, что применение формализовано-статистических методов обработки материалов могильников могло бы дать гораздо большее количество групп и подгрупп населения, однако это не объясняет, какими факторами – социальными, имущественными, религиозными, обстоятельствами смерти – диктовалось существование той или иной модели. Он же обратил внимание на то, что относительная имущественная (?) однородность позднескифского населения, проявившаяся в скромности захоронений, могла зависеть не только от материального положения, но и диктовалась изменениями в религиозно-мифологической сфере, в частности влиянием греческого погребального обряда¹¹⁴.

Т.Н. Высотская в вопросе о социальной структуре позднескифского общества считает главными качественные, а не количественные показатели в составе погребального инвентаря. Основываясь на этом, она выделила три основные группы населения: 1) богатые погребения с оружием и изделиями из драгоценных металлов, предметами роскоши и редкими вещами; 2) погребения людей среднего достатка – с рядовым инвентарем, бронзовыми украшениями, лепной и краснолаковой посудой; 3) бедные погребения, без вещей или с очень немногочисленным инвентарем. При этом, по ее подсчетам, в городских центрах (Неаполь, Усть-Альма) рядовое население и бедняки составляли около 40 и 30% соответственно. В сельских районах рядовому населению принадлежало от 50 до 80% погребений в могильниках¹¹⁵. Такие подсчеты, основанные лишь на тезисе о связи имущественной дифференциации по инвентарю с социальным статусом умершего, имеют значение только на эмпирическом уровне и не учитывают всего спектра других факторов, указанных В.С. Ольховским. Следует учитывать, что в рассматриваемое время изменился способ реализации прибавочного продукта (или отчужденного), т.е. сосредоточенные в руках отдельных лиц богатства

¹¹⁰ Лащук Л.П. Кочевничество и общие закономерности истории // СЭ. 1973. № 2. С. 88–90.

¹¹¹ Щеглов. Позднескифское государство... С. 30–33.

¹¹² См. примеч. 27.

¹¹³ Храпунов. До соціально-політичної характеристики... С. 87; Зубар. Про пізньоскіфську державність. С. 101.

¹¹⁴ Ольховский. Про дискусійні... С. 136 сл.

¹¹⁵ Высотська. До питання... С. 140 сл.

шли на строительство богато отделанных домов, расширение хозяйства, закупку товаров и т.д.¹¹⁶ Следствие этого – значительная унификация и «скромность» обряда погребения различных (хотя и близких) слоев населения.

Важным показателем социальной неоднородности населения является количество труда, затраченного на погребальное сооружение. Однако этот признак необходимо рассматривать дифференцированно, применительно к различным типам могил. Так, например, Э.А. Сымонович считал, что в вырубных склепах Неаполя хоронили воинов и знать, стоящую на социальной лестнице ниже, чем погребенные в мавзолее¹¹⁷. Д.С. Раевский, основываясь на представлениях о трехчленном делении скифского общества, предполагает, что вырубные склепы служили местом упокоения жрецов¹¹⁸. Сохранившиеся после ограбления находки в вырубных склепах свидетельствуют, что подавляющее их большинство было сооружено в конце II – начале III в. н.э., а конструкция не имеет генетических корней в скифской погребальной обрядности¹¹⁹. Лишь несколько склепов (значительных размеров и с богатой орнаментальной символикой) можно отнести к разряду усыпальниц эллинизированной верхушки сарматов, пришедших в Неаполь с Боспора. Большая же часть вырубных склепов имела довольно скромные размеры камер: 4–6 м² и примитивное оформление. Остатки погребального инвентаря свидетельствуют о принадлежности этих сооружений рядовому населению. Трудоемкость вырубки скального склепа могла компенсироваться его долговечностью (длительностью функционирования) и не связана только с социальным статусом умерших¹²⁰.

Не всегда правомерно отнесение могил, находившихся на периферии могильника, к беднейшим слоям населения, как это делает Э.А. Сымонович в отношении участка Восточного некрополя Неаполя, исследованного В.П. Бабенчиковым в 1947–1948 годах¹²¹.

Наиболее удаленные от городища могилы составляют самостоятельный некрополь¹²² и по конструкции (подбойные, грунтовые склепы), погребальному обряду, инвентарю очень напоминают раскопанные Н.И. Веселовским в 1889 г. на склонах Петровской балки. Следует отметить и другую тенденцию. Игнорирование исторической топографии некрополей привело Т.Н. Высотскую к неверному выводу о подчиненности сарматов в позднескифской столице и на Усть-Альминском городище, основанием чему послужило малое количество и периферийность участков с подбойными могилами¹²³. Э.А. Сымонович, напротив, считал, что погребенные в подбойных моги-

¹¹⁶ Там же. С. 142.

¹¹⁷ Сымонович. Население... С. 113.

¹¹⁸ Раевский. Этнический... С. 14; Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев, 1985. С. 22; Храпунов И.М. До соціально-політичної характеристики... С. 87.

¹¹⁹ Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 119–121.

¹²⁰ Эти положения в полной мере относятся к погребениям в грунтовых склепах, где встречается по несколько десятков захоронений в 5–6 ярусах, а изредка и больше. Например, склеп № 348 Усть-Альминского могильника содержал 58 костяков, залегающих в 10 ярусах. Каменные гробницы в курганах содержали от 100 (Тавель, Пастака) до 173 (Черкеса) костяков. Поэтому погребальное сооружение не всегда может служить показателем принадлежности погребенных в нем людей к той или иной социальной прослойке или этносу. В связи с этим нельзя признать удачной попытку Т.Н. Высотской связать захоронения в склепах Усть-Альминского могильника со скифами, а безынвентарные – с зависимыми сарматами, поскольку это противоречит приводимым ею же данным о наличии богатых захоронений в склепах, совершенных по сарматскому обряду (Высотская. Усть-Альминское городище... С. 140–144). Сарматские черты погребального обряда также чаще встречены в склепах. Участок с погребениями сарматской знати в грунтовых склепах – катакомбах обнаружен на некрополе в 1996 г. (Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Погребения сарматской знати I в. н.э. на Усть-Альминском некрополе // Херсонес в античном мире. Тез. докл. конф. Севастополь, 1997. С. 98–100).

¹²¹ Сымонович. Население... С. 113.

¹²² Раевский. Позднескифская семья... С. 66. Исследование этого участка было продолжено Симферопольской экспедицией ИА АН Украины под руководством О.А. Махневой в 1986 г.

¹²³ Высотская. Неаполь... С. 196; она же. Усть-Альминское городище... С. 143 сл.

лах Неаполя относились к зажиточным, но более сарматизированным слоям населения¹²⁴. План Восточного могильника наглядно демонстрирует тот факт, что центральная часть площадки ко II в. н.э. была почти полностью занята склепами, причем бывали случаи, когда более поздние могилы их разрушали. Большинство склепов Неаполя и Усть-Альмы, сооруженных в I в. н.э., во второй половине II в. н.э. уже не функционировало. Жители Усть-Альминского городища во второй половине II – первой половине III в. н.э. хоронили своих родственников в могилах с запечками, подбойных, плитовых, грунтовых склепах новой конструкции, а в Неаполе – в подбойных могилах, продольно-осевых грунтовых склепах и вырубных. Они располагались как на отдельных участках некрополя, так и на свободных площадях. Исследования Усть-Альминского и Неапольского некрополей показали, что к рубежу II–III вв. н.э. места ранних склепов были забыты: при сооружении более поздних могил нарушались их своды и входные ямы, нередко случаи подзахоронений, причем со значительным хронологическим интервалом. Количество исследованных подбойных могил на Усть-Альминском могильнике, по сравнению с изданными Т.Н. Высотской¹²⁵, значительно увеличилось. Таким образом, их периферийность не является показателем подчиненности населения, а отражает хронологический этап развития некрополей.

Этот вывод подтверждается исторической топографией Битакского могильника, расположенного в километре к северу от Неаполя¹²⁶. Грунтовые склепы II–I вв. до н.э. и рубежа н.э. – I в. н.э. располагались несколькими рядами, опоясывая склон на значительном (8–10 м) расстоянии друг от друга. Появившиеся во второй половине I в. н.э. подбойные могилы занимали территорию ниже по склону; лишь во II в. н.э. могильник начал разрастаться в стороны, при этом использовалось и пространство между склепами. Безынвентарные погребения (их немного), как и в Неаполе¹²⁷, относились к последнему периоду его существования (III в. н.э.) и занимали периферийное положение.

В погребениях второй половины II – начале III в. н.э. повсеместно наблюдается снижение качества и ассортимента погребального инвентаря, что могло быть вызвано изменениями в социально-экономической структуре общества после того, как в него влились оседающие на землю обедневшие представители различных сарматских группировок.

Определенную сложность при выяснении социального статуса умершего представляют погребения в культурном слое поселений. Захоронения младенцев в сосудах и без них лишь в единичных случаях дают возможность говорить об их жертвенном характере. В большинстве же детские захоронения располагались в непосредственной близости от жилых комплексов, иногда образуя целые группы¹²⁸. Исследователи сходятся на том, что такой обряд связан с идеей – плодородием¹²⁹. Е.П. Бунатян и В.М. Зубарь считают, что его появление у негреческого населения Юго-Западного Крыма в первые века нашей эры следует связывать с усилением роли земледелия в хозяйстве, т.е. он носит стадиальный характер¹³⁰.

Значительную часть захоронений составляют погребения взрослых в хозяйственных ямах и в культурном слое поселений. Они, как правило, безынвентарны и связаны либо с военными действиями, либо с насильственным умерщвлением. В таких случаях

¹²⁴ Сымонович. Население... С. 114.

¹²⁵ Высотская. Усть-Альминское городище... С. 48.

¹²⁶ Пуздровский А.Е., Гумаишьян С.В., Зайцев Ю.П., Новиков И.И. Работы Симферопольской экспедиции в 1991 году // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993. С. 167. Рис. 26.

¹²⁷ Пуздровский. Сармати... С. 37.

¹²⁸ Пуздровский. О погребальных сооружениях... С. 121 сл.

¹²⁹ Бураков А.В. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев, 1976. С. 138–143; Высотская. Неаполь... С. 169; она же. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984. С. 139; Богданова. Погребальный обряд... С. 33.

¹³⁰ Бунатян Е.П., Зубарь В.М. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // СА. 1991. № 4. С. 237.

социальный статус людей определить затруднительно. Исключения составляют погребения воинов, известные в Неаполе и на Усть-Альминском городище¹³¹.

В склепах и могилах зафиксированы брошенные последними сопровождающие лица, как правило, в скорченной позе или ничком, иногда вместе с собаками, очевидно, перед окончательной замуровкой сооружения¹³². Их социальный статус может быть определен в рамках зависимого и бесправного населения. К этой же категории могут быть отнесены погребения сопровождающих лиц в мавзолее Неаполя¹³³. Следует различать захоронения в скорченном положении в большинстве случаев, связанные с социальными низами¹³⁴, от слабоскорченных. Последние характерны для женщин и могут отражать их зависимое положение в семье. Однако в Заветненском могильнике они сопровождались богатым и характерным инвентарем, что дало повод Н.А. Богдановой отнести их к категории «жриц»¹³⁵.

В позднескифских некрополях встречаются могилы служительниц культа. Их погребения можно выделить по находкам орнаментированных и рельефных курильниц, а также по наборам амулетов и вотивных вещей. Подавляющее большинство таких захоронений принадлежало лицам старческого, либо очень молодого возраста. Лишь в нескольких случаях (Неаполь, мавзолей; Заветненский могильник) можно говорить о более или менее высоком ранге этих «жриц». В этот круг несомненно необходимо включить и богатое сарматское захоронение в Ногачинском кургане¹³⁶, а также женские погребения в склепах № 595, 603 и 620 Усть-Альминского могильника с наборами амулетов и культовых вещей¹³⁷. В первые века нашей эры во многих погребениях женщин и детей встречены амулеты-обереги, что связано с представлениями об их магической функции и отражает общий высокий религиозный уровень населения Крымской Скифии.

Значительные изменения в социальной структуре позднескифского общества произошли после распада патриархально-кочевой общины и смены экономической модели и системы землевладения, а это в свою очередь привело к формированию соседско-территориальной общины. Этот переход оказался возможным, поскольку население уже длительное время находилось в орбите влияния греческих государств с развитой классовой структурой и гармонично развивающейся экономикой. В то же время изменения в области социальной организации не приводили к прямому копированию и замене таких элементов, как семья, община, род, племя, форма брака, счет родства и др. Эти социальные институты в определенной мере тормозили движение первобытных народов, в том числе поздних скифов, к цивилизации¹³⁸. Несмотря на глубокие изменения в экономической сфере и сближение с античными городами, эллинизация носила поверхностный характер¹³⁹. Она выразилась в заимствовании приемов домостроительства, внутреннего и внешнего оформления помещений, направлениях хозяйственной деятельности, характере ремесла, употребления в быту вещей античного производства, фортификационном строительстве. Не следует сбрасывать со счетов и наличие в среде жителей крупных городищ определенной прослойки греков, которые пользовались в жизни присущими их культуре предметами культового и посвященного характера, а также были преимущественно грамотными.

Верхушка скифской аристократии всячески использовала свое место в социальной

¹³¹ Пуздровский. О погребальных сооружениях... С. 123.

¹³² Сымонович. Население... С. 55; Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя Скифского // ИАДК. С. 121; Пуздровский. Сарматы... С. 37.

¹³³ Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. 96. С. 107.

¹³⁴ Кадева В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 119 сл.; Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982. С. 41.

¹³⁵ Богданова. Погребальный обряд... С. 36.

¹³⁶ Симоненко. Сарматы Таврии. С. 70–74.

¹³⁷ Пуздровский, Зайцев, Лобода. Ук. соч. С. 98 сл.

¹³⁸ Хазанов А.М. Первобытная периферия античного мира // СЭ. 1971. № 6. С. 25–27.

¹³⁹ Шульц. Исследования... С. 89; Раевский. К истории... С. 119.

иерархии для получения всевозможных благ античной цивилизации, что было характерно и для других эллинистических государств варварского типа¹⁴⁰. Объединяющим фактором полиэтничного населения Крымской Скифии, по-видимому, являлась территориально-соседская община, которая, в противоположность родовым связям, основывалась не только на кровно-родственных отношениях, но и на территории проживания¹⁴¹.

Оседлый образ жизни обитателей Крымской Скифии предполагал комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, при котором землей владела вся соседская община, а отдельные семьи – наделами. О системе землевладения у поздних скифов Крыма имеются лишь косвенные данные. Так, вокруг городищ и селищ в Юго-Западном Крыму и на Нижнем Днепре прослежены следы земельных наделов и дополнительные системы ограждений, опоясывающие прилегающие к поселениям территории¹⁴², однако серьезных исследований в данном направлении не проводилось. К сказанному можно лишь добавить, что в Северо-Западном Крыму поздние скифы, вероятно, использовали античную систему размежевки, поскольку она сохранилась до наших дней.

Существовали, по-видимому, и другие формы землевладения. Так, на первой надпойменной террасе левого берега р. Салгир, у подножия городища Неаполь, на ул. Беспалова (бывш. Алуштинское шоссе) в 1988 г. обнаружены остатки двух усадеб и комплексы хозяйственных ям, начиная от позднеэллинистического периода и до I–II вв. н.э. Можно предположить, что в долине р. Салгир существовала целая сеть таких усадеб, владельцы которых обрабатывали прилегающие к ним участки плодородной земли. В позднеэллинистическую эпоху в пригороде Неаполя функционировало несколько крупных по размерам усадеб, куда, вероятно, свозилась сельскохозяйственная продукция и где происходили ее переработка и хранение¹⁴³.

Открытая в урочище Кизил-Коба усадьба с хранилищем в пещере амфор III–IV вв. н.э. может свидетельствовать о винодельческом направлении хозяйства¹⁴⁴ и использовании части сельхозугодий под выращивание винограда. Садоводство и виноградарство получили широкое распространение в римский период, особенно после включения Крымской Скифии в сферу экономического влияния Боспора и Херсонеса¹⁴⁵.

Во II–III вв. н.э. роль территориально-соседской общины еще больше усиливается, что было характерно и для скифов Нижнего Днепра¹⁴⁶. В это время возникает большое количество убежищ, свидетельствующих о стремлении общин «противостоять слабеющим силам позднескифского государства»¹⁴⁷. Такие укрепления, датируемые первыми веками нашей эры, известные в Юго-Западном и Центральном Крыму, площадью менее 1 га и не имевшие культурного слоя и внутрикрепостной застройки, предназначались для защиты общинников и их имущества¹⁴⁸. Об усилении центростремительных тенденций в первые века нашей эры свидетельствует и появление небольших, но хорошо укрепленных «замков», которые, вероятно, служили резиденциями местной

¹⁴⁰ Щеглов. Позднескифское государство... С. 29–38.

¹⁴¹ Першиц А.И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // СЭ. 1955. № 4. С. 31.

¹⁴² Шульц. Исследования... С. 84. Прим. 2; он же. Позднескифская культура... С. 134; Высотская Т.Н. Позднескифские городища и селища Юго-Западного Крыма // СА. 1968. № 1. С. 189; она же. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму // ПСА. С. 157; она же. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С. 169; Шишкин К.В. Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников // СА. 1966. № 3. С. 116–121; Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 56.

¹⁴³ Пуздровский. К проблеме формирования... С. 303; Зайцев, Пуздровский. Ук. соч. С. 229–231.

¹⁴⁴ Домбровский О.И. Пещеры и урочище Кизил-Коба в позднеантичный период // ТККЭ. 1963. Вып. 1. С. 152–163.

¹⁴⁵ Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С. 169–173.

¹⁴⁶ Вязьмитина М.И. Городища Днепра // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2. С. 240.

¹⁴⁷ Шульц. Позднескифская культура... С. 134.

¹⁴⁸ Колтухов С.Г. Укрепление Крымской Скифии (III в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1993. С. 15.

знати. Наиболее перспективным для исследований, с этой точки зрения, является городище Заячье в среднем течении р. Альмы, рядом с которым находились поселения открытого типа и остатки земельных наделов¹⁴⁹.

В связи с распадом патриархально-кочевой общины в позднескифском обществе происходят изменения в характере и структуре семьи. А.М. Хазанов рассматривает подкурганные гробницы с количеством от ста и более костяков как усыпальницы больших семей, а могилы с количеством до десяти погребений – малых семей¹⁵⁰. Д.С. Раевский, специально занимавшийся данным вопросом, пришел к выводу о существовании в позднескифской среде «неразделенной» семьи, в которую входило два поколения брачных пар. При этом он допускает сосуществование усыпальниц малых семей с могилами неразделенных семей¹⁵¹. Рассматривая материалы Неапольского могильника, исследователь отмечает, что второй период функционирования некрополя ознаменовался присутствием постороннего этнического компонента (сармато-меотов), принесших обычай индивидуальных захоронений в подбойных могилах. Старая традиция погребений в семейных склепах начинает затухать, хотя их и использовали для захоронений. Таким образом, хотя новых склепов уже не сооружали, возросла длительность использования семейных могил. При этом Д.С. Раевский предполагает, что в них не хоронили представителей боковых ветвей семьи, а хранителями отцовских усыпальниц выступали младшие сыновья. Основываясь на широкой дате инвентаря в некоторых склепах (более 200 лет) и количестве погребенных (27), он строит расчеты, приняв демографическую длину поколения равной 25 годам и допуская, что с родителями мог быть похоронен один малолетний ребенок¹⁵². Взятый Д.С. Раевским в качестве примера склеп № 79, раскопанный и опубликованный О.А. Махневой¹⁵³, для подобного анализа не совсем удачен, поскольку был ограблен в древности. Определение количества костяков производилось антропологом К.Ф. Соколовой на месте, а полная половозрастная характеристика так и не была сделана. Можно лишь сказать, что в склепе были похоронены мужчины, женщины и дети; из определимых черепов по четыре принадлежало женщинам, подросткам и младенцам¹⁵⁴. В такой ситуации, да еще и при ограблении и многоярусности погребений, проследить динамику совершения захоронений невозможно. Вызывает возражение и датировка склепа: конец I в. до н.э. – начало III в. н.э.¹⁵⁵ или I–II вв. н.э.¹⁵⁶ Большинство находок укладывается в хронологические рамки от конца I в. до н.э. до начала II в. н.э., а несколько предметов III в. н.э. свидетельствуют о вторичном использовании склепа после длительного перерыва. Таким образом, предложенная Д.С. Раевским модель определения характера позднескифской семьи, основанная на подсчете количества костяков и длине поколения, не является универсальной, поскольку не учитывает полную половозрастную характеристику погребений, а также более-менее точный хронологический диапазон использования могилы и динамику захоронений.

Б.Ю. Михлин, основываясь на уточненной хронологии фибул, пришел к выводу о постепенном уменьшении населения Беляуса с конца I в. до н.э. по первую половину I в. н.э., а с середины I в. н.э. – более резко¹⁵⁷. Из этого следует, что подавляющее большинство погребений в склепах Беляуса совершено до широкого распространения индивидуальных захоронений, как это прослежено в могильниках второй половины I–III в. н.э. в Юго-Западном и Центральном Крыму. Следовательно, вывод Д.С. Раевс-

¹⁴⁹ *Высотская*. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С. 26–29. Рис. 5.

¹⁵⁰ *Хазанов*. Социальная история скифов. С. 63 сл.

¹⁵¹ *Раевский*. Позднескифская семья... С. 60–63.

¹⁵² Там же. С. 64 сл.

¹⁵³ *Махнева О.А.* Склеп с египетскими изделиями на Восточном участке некрополя Неаполя Скифского // ЗОАО. 1967. Т. 2. С. 191–196.

¹⁵⁴ *Сымонович*. Население... С. 53; *Махнева*. Склеп... С. 191 сл.

¹⁵⁵ *Раевский*. Позднескифская семья... С. 64; *Сымонович*. Население... С. 54.

¹⁵⁶ *Сымонович*. Население... С. 54.

¹⁵⁷ *Михлин*. Фибулы... С. 211.

кого о длительности использования склепов с целью сохранения старых (скифских) погребальных традиций к Беляусу неприменим. Основываясь на материалах Неаполя и Беляуса, Б.Ю. Михлин предположил, что склепы с большим количеством костяков взрослых людей и относительно узким диапазоном функционирования могли содержать останки и боковых ветвей семьи, назвав такую форму «ограниченно-расширенной»¹⁵⁸. С критикой взглядов Б.Ю. Михлина выступили О.Д. Дашевская и Д.С. Раевский¹⁵⁹. Однако исследователи не учли, что погребение в склепах членов боковых ветвей семьи не свидетельствует об их обязательном совместном проживании в пределах одного жилого комплекса, а скорее отражает временное усиление семейно-родовых связей, связанное с изменениями в этническом и социальном составе внутри соседской общины, т.е. возможными переделами земельной собственности. К сказанному следует добавить, что размеры склепов второго хронологического этапа (по Д.С. Раевскому) изначально были рассчитаны на большое количество погребений, т.е. для использования их представителями боковых ветвей семьи. Это не противоречит мысли Д.С. Раевского о стремлении скифов сохранить пережитки старой социальной организации в условиях прихода посторонних этнических элементов (сарматов). Необходимо отметить важное наблюдение Э.А. Сымановича о том, что набитые до отказа и замурованные склепы предполагали сооружение новых усыпальниц, а этническая «чистота» погребенных в склепах опровергается совместными находками как брахикранных, так и долихокранных черепов¹⁶⁰. Не выдерживает критики и предположение Д.С. Раевского о том, что в склепах раннего этапа, где обнаружено больше костяков, чем два последовательных поколения одной семьи, находились сопровождающие захоронения зависимых людей¹⁶¹. Это не следует ни из обряда, ни из инвентаря. Таким образом, только некоторые склепы ранней группы (II–I вв. до н.э.) могут быть интерпретированы как усыпальницы «неразделенной семьи».

Погребения мавзолея Неаполя Д.С. Раевский рассматривает как принадлежащие большой семье, что свидетельствует о сохранении в среде скифской знати пережитков родо-племенной структуры. Подкурганные гробницы с большим количеством костяков в Центральном Крыму он склонен объяснить данью традиции захоронений под курганной насыпью, а не использованием их большесемейными коллективами¹⁶². При таком подходе остается неясным, кто все-таки хоронил своих родственников в таких монументальных сооружениях, содержащих сто и более костяков? Выяснить динамику захоронений в них не представляется возможным, поскольку при их раскопках не фиксировалась горизонтальная и вертикальная стратиграфия, а немногочисленный инвентарь определяет лишь общие хронологические рамки использования гробниц. Не исключен вариант повторного использования данных сооружений, поскольку в некоторых из них найдены вещи IV–III вв. до н.э.¹⁶³, а остальные находки укладываются в хронологический диапазон функционирования грунтовых клепов первой и второй групп: II–I вв. до н.э. – первая половина II в. н.э. Можно предположить, что в таких гробницах хоронили на протяжении длительного времени несколько близкородственных коллективов.

В связи с этим интересны выводы Д.С. Раевского по вопросу о патронимиях, т.е. группах больших или малых семей, образующихся в результате деления одной патриархальной семейной общины, между которыми сохраняется хозяйственное и культурно-идеологическое единство. По его мнению, в патронимии, которой принадлежал Восточный могильник, первоначально входило 15 семейных пар, а в конце – около 30.

¹⁵⁸ Михлин Б.Ю. О характере позднескифской семьи // СА. 1987. № 2. С. 31–40.

¹⁵⁹ Дашевская О.Д., Раевский Д.С. К статье Б.Ю. Михлина «О характере позднескифской семьи» // СА. 1987. № 2. С. 41–44.

¹⁶⁰ Сыманович. Население... С. 114, 119.

¹⁶¹ Раевский. Позднескифская семья... С. 66 сл. Прим. 30.

¹⁶² Там же. С. 67 сл. Прим. 42.

¹⁶³ Полин. От Скифии к Сарматии. С. 42.

Патронимии могли занимать определенные участки городищ, а также отдельные изолированные селища¹⁶⁴. Этот вывод подтверждается материалами раскопок 1978–1980 гг., где исследовано 16 склепов от рубежа нашей эры до начала II в. н.э. Эта группа образовывала северную периферию некрополя и, возможно, принадлежала еще одной патронимии.

Интересные данные получены при раскопках Битакского могильника, исследованного почти полностью. Первоначально (вторая половина II – первая половина I в. н.э.) здесь функционировали 6–7 склепов, а затем (вторая половина I в. до н.э. – I в. н.э.) количество их увеличилось до 12–13. Показательно, что обе группы склепов оказались неограбленными, хотя в конце второго этапа уже появились подбойные могилы. Изолированность данного некрополя от Неаполя (в 1 км к северу на противоположном берегу р. Салгир) позволяет связать его с отдельной патронимией, хотя следов поселения из-за плотной современной городской застройки пока выявить не удалось.

Раскопки Битакского могильника, а также недавние исследования в Неаполе – на Усть-Альминском некрополе, позволили проследить еще одно интересное явление – переход от «неразделенной» семьи к малой. В свое время Д.С. Раевский обратил внимание на существование на Восточном некрополе подбойных могил с двумя-тремя костяками¹⁶⁵. В последние годы количество таких могил (различной конструкции) значительно возросло¹⁶⁶. Этот обряд, во-первых, мог быть связан с соображениями более эффективного использования площади могильника, во-вторых, отражал стремление сохранить традицию погребения родственников в одной могиле. Фактически происходило слияние погребального ритуала аборигенного населения и переселенцев, принесших обычаи индивидуальных захоронений, что в свою очередь приводило к выделению малых семей, а также смешанным бракам и выработке новых форм социальной организации. Эти процессы происходили достаточно долго: вторая половина I – первая половина II в. н.э. На рубеже II–III вв. н.э. в Центральном и Юго-Западном Крыму в связи с притоком сармато-аланского населения появляются вырубные и грунтовые склепы новой конструкции с одноярусными захоронениями, получившие развитие в могильниках второй половины III–IV в. н.э.¹⁶⁷

Погребения в подбойных могилах также образовывали участки, где, возможно, хоронили своих родственников члены одной семьи на протяжении 100–150 лет. Об этом свидетельствует историческая топография таких могильников, как Неаполь, Битак, Усть-Альма¹⁶⁸. В пользу такого предположения свидетельствует высокая плотность могил, несмотря на наличие достаточно больших свободных площадей. Однако судить о форме семьи без антропологических и половозрастных определений всех умерших затруднительно.

Таким образом, в позднескифском обществе на протяжении 400 лет существовали различные формы семьи. На первом этапе в результате распада патриархально-кочевой и перехода к территориально-соседской общине выделились модели «неразделенной» и «ограниченно-расширенной» семьи. Такие коллективы были объединены в патронимии. В конце I–II в. н.э. получили распространение индивидуальные захоронения, что может свидетельствовать о существовании малых семей. Появление грунтовых и вырубных склепов в конце II – начале III в. н.э. фиксирует усиление семейных связей. Такая практика сосуществования погребальных сооружений с индивидуальными и многократными захоронениями характерна для сармато-аланских

¹⁶⁴ Раевский. Позднескифская семья... С. 66 сл.

¹⁶⁵ Раевский. Позднескифская семья... С. 66. Прим. 31.

¹⁶⁶ Пуздровский А.Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского // РА. 1992. № 2. С. 181–199; Пуздровский, Гумащян, Зайцев, Новиков. Ук. соч. С. 103; Пуздровский, Зайцев Лобода. Охранные... С. 228; ср. Храпунов, Масякин, Мульд. Ук. соч. С. 125. Рис. 9, 11.

¹⁶⁷ Пуздровский. О погребальных... С. 121, 125.

¹⁶⁸ Сымонович. Население... Рис. 1, 2; Бабенчиков. Некрополь... Рис. 18; Пуздровский. Новый участок... Рис. 1; Пуздровский, Гумащян, Зайцев, Новиков. Ук. соч. Рис. 26; Высотская. Усть-Альминское городище... Рис. 18.

могильников III–IV вв. н.э. (Нейзац, Дружное, Перевальное, Суворово, Вишнево, Тенистое и др.).

Скифское царство в Крыму при Скилуре было варварским государственным образованием с признаками монархии эллинистического типа. Однако поражение скифов в войнах с Диофантом и политическая зависимость от понтийских, а впоследствии от боспорских правителей прервали развитие государственных институтов и привели к распаду военно-административной системы и образованию нескольких областей, управлявшихся «басилевсами». Правители, по-видимому, опирались на военную дружину, поскольку военный потенциал рядового населения, исходя из данных могильников, был невелик. Охрану крупных крепостей и защиту «басилевсов» могли осуществлять подготовленные воины, содержание которых, вероятно, осуществлялось за счет отчуждения части прибавочного продукта у основной массы населения. В случае военных действий рядовое население принимало в них участие, составляя подразделения пехоты и легкой конницы.

Подводя итог рассмотренным вопросам, можно отметить, что социальная структура позднескифского общества отличалась отсутствием значительных различий внутри рядовой массы населения и большой этнической пестротой. Население городов и селищ представляло собой лично свободных общинников. Определенный статус имели военные дружины «басилевсов» и гарнизоны крепостей, среди которых, вероятно, формировалась служилая знать. Существовали, исходя из археологических и эпиграфических данных, жрецы и купцы, однако они не составляли особого сословия. Ремесло у поздних скифов носило преимущественно домашний характер и лишь в единичных случаях имеются данные о товарном производстве гончарной продукции¹⁶⁹.

На основании материалов погребальных комплексов можно сделать вывод, что основой социальной структуры была территориально-соседская община, включавшая в себя одну или несколько патриний, которые в свою очередь делились на группы больших или малых семей. Данные по исторической топографии поселений и размежевке сельскохозяйственной территории дают основание предполагать, что у поздних скифов существовала общинная собственность на землю. Не исключено, однако, и наличие крупных хозяйств, основанных на коллективном подневольном труде (в позднеллинистическое время), а также специализированных комплексов (римское время). Соседская община способствовала интеграционным процессам между различными этническими группировками, хотя на последнем этапе она усугубила децентрализацию государства.

Отсутствие сильной центральной власти после распада державы Скилура, неразвитость государственных структур, нечеткость системы социальной иерархии и землевладения, постоянные военные конфликты – все это тормозило движение позднескифского населения к цивилизации и созданию единой этнической общности, явившись одной из причин его упадка и гибели.

А.Е. Пуздровский

AN OUTLINE OF THE ETHNOSOCIAL HISTORY OF THE CRIMEAN SCYTHIA IN THE 2nd C. BC – 3rd C. AD

A.Ye. Puzdrovsky

The earliest objects of the Late Scythian culture in the Crimea are dated back to the late 3rd – early 2nd centuries BC. There is no cultural continuity between these objects and the Scythian monuments of late 4th – early 3rd centuries BC. The anthropological type of the Crimean Scythians was formed under the influence of Thracian and Greek population (South European type), native tribes and Sarmatian.

¹⁶⁹ Домбровский О.И. Керамическая печь на скифском городище Красное // ИАДК. С. 208 сл.

groups. Tauric (Kizil-Koba) traditions are to be seen in the extensive use of stone for burial constructions, in the kinds and decoration of moulded ware and in burial inventory. Hellenic elements of the late Scythian culture are especially obvious in the capital of the state, Neapolis Scythica. The Greek stratum of its population was engaged in trade and commerce, military consulting and building. The hellenized part of the population participated in the Scythian development of the seized Chersonesian *chora*. The Late Scythians' contacts with their western neighbours refer to the 2nd-1st centuries BC; for this period Celtic and Thracian elements are attested in the material culture.

The first period of the Sarmatians' penetration is to be dated back to late 2nd-early 1st centuries BC. A moderate splash of Sarmatian activity is seen in the late 1st c. BC – early 1st c. AD. The 2nd period (the 2nd half of the 1st – early 2nd c. AD) is due to the events of the Roman-Bosporan war of 46–69 AD, when, as a result of Aorsian-Syracian conflict the tribes of Late Prokhorov culture and the Sarmato-Maeotic groups of the Kuban basin penetrate in the foothill areas of the Crimea, where a number of distinctly Early Alanian (late Sarmatian) warriors' burial monuments spring up in the late 1st – first decades of the 2nd centuries AD. The 3rd period (the late 2nd – the first half of the 3rd c. AD) is connected with the migration of the Sarmato-Alanian tribes to the South-Western and Central Crimea, caused by the politics of Bosporan kings, Chersonesus and Rome.

In the 2nd-1st centuries BC the settled way of life becomes predominating: settlements are rising up, handicraft is developing, citadels are springing up in strategically important places. The social structure of the Late Scythian society underwent some changes after the fall of the nomadic patriarchal community and a shift in the economical model and the land-owning system. These changes caused the formation of a neighbour-territorial community. For 400 years different forms of family existed in the Late Scythian society. In the first period the models of an «undivided» and «partly extended» family developed there. Such groups were united in patronymies. In the late 1st – 2nd c. AD individual graves become widespread («nuclear family»). Under Skiluros the Scythian kingdom in the Crimea appears to be a barbarian state with some features of Hellenistic monarchy. Poor development of state structures, fluctuating systems of social hierarchy and land-owning and permanent military conflicts impeded the Scythian population in its way towards civilization, prevented it from becoming an integer ethnic community and, ultimately, caused the decay and fall of this state.